

Л. Г. БАРАГ

ПЕСНИ БЕЛОРУССКИХ ДЕВУШЕК, УГНАННЫХ В НЕМЕЦКУЮ НЕВОЛЮ

Десятки тысяч освобожденных советских людей возвращались летом 1945 г. из немецкой неволи на родину. Участники фольклорной экспедиции в западные районы Белоруссии, часто встречая этих людей на проселочных дорогах, на шоссе, на станциях, в поездах, беседовали с ними о мучительных годах, пережитых на чужбине за колючей проволокой. Бывшая узница Освенциме, Нина Ивановна Пособилова, рассказала нам о своей жизни в этом ужасном лагере смерти. Отвечая на расспросы, она иногда задумывалась и говорила: «А хотите, я сейчас песню вспомню, которую у нас в Освенциме сложили об этом?..» И мы записывали печальную песню.

Песня лагеря смерти получала смысл и значение документального свидетельства чудовищных преступлений. И именно так осмыслили теперь эти песни Нина Пособилова и другие освобожденные Красной Армией невольники немецкого фашизма. Многие из них вернулись на родину с тетрадками-альбомами, в которых записаны песни неволи.

Однажды в августе 1945 г. я переписывал, сидя на крыльце разрушенного вокзала станции Мосты (Гродненская область), песни из альбомов освобожденных узников немецких концлагерей. Вокруг меня столпилось пятьдесят-шестьдесят человек. Почти каждый из них держал в руках тетрадку-альбом, извлеченную из баула или чемоданчика, и ждал «очереди». С глубокой и волнующей серьезностью относились эти измученные и изнуренные люди к тому, что правда о их жизни в немецкой неволе «будет напечатана».

В песенном репертуаре советских людей, угнанных в немецкую неволю, встречаются произведения самого различного жанрового типа. Но самые различные по жанру и стилю песни этого репертуара объединены общими для них настроениями и мотивами.

В фольклоре Великой отечественной войны сложился особый цикл песен девушек, угнанных в немецкую неволю. Ряд песен и частушек этого цикла посвящен теме отъезда девушки в далекую и ненавистную неметчину:

Раскінулісь рейкі шырока,
Шалон за шалоном лецяць.
Яны з Беларусі вывозяць
Ў Германію нашых дзяўчат.
Прашчай, дарагая дзярэўня,
Прашчай, дарагая семья,
І ты, чарнабровый мальчышка,
Парой ўспамінай пра мяня.
Прашчайце, зялёныя паркі,
Мне большэ па вас не гуляць, —
Я еду ў Германію скучну
Мой век малады дажываць.

Начало песни, широко известной на временно оккупированной немцами советской территории и в немецких лагерях за рубежом. Вариант, записанный в Мостовском районе, Гродненской области.

* * *

Не чутна на станцыі смеха,
 Ліш стоны радных мацярэй.
 У чужую далёку старонку
 Праводзяць сваіх дачарэй.
 Кінь плакаць, не нада, мамаша,
 Я знаю табе не лягко,
 Но слёзы ведзь мне не памогуць.
 Расстацца і мне цяжало.
 Прашчайце, радныя падругі,
 Прошу, не забудзьце мяня.
 Чужая старонка, не знаю,
 Как ўстрэніць, как прымець мяня.
 Быць можа, прыздэцца умрэць мне,
 Зароюць ў чужой старане.
 Цябе, дарагая мамаша,
 Ніхто не сабшчыт аба мне.

.
 Вот страшна, уж поезд падходзіць.
 Я сяду, памчусь далеко.
 Ах сэрца, не нада так біцца, —
 Мне так цяжало, цяжало.

Записано мною от Нины Васильевны Славинской, 1924 г. рожд., в дер. Вандорж, Могилевского района.

Те же мотивы получили выражение в частушках:

* *

Ты, машына, не тутукай,
 Не наганяй сэрцу нуду.
 Завязеш мяне ў Германью,
 Я назад пяхком прыду.

Записано мною от Алены Хомич, 1927 г. рожд., и других девушек деревни Замогилье, Краснослободского района, Бобруйской области.

* *

Эх я сяду на машыну
 І скланю галовушку.
 Павезёт мяня машына
 На чужу старонушку.

Записано мною от Марыси Д. Круглик, 1925 г. рожд., и других девушек дер. Гавеновичи, Бытанского района, Барановичской области.

Мотив прощания и мотив поезда относятся к наиболее часто повторяющимся мотивам песен девушек, насильно угонявшихся в Германию, и получают в них относительно устойчивые формы выражения. Но тематической основой большинства песен немецкой неволи является изображение жизни за колючей проволокой. Повсюду в немецких концентрационных и «трудовых» лагерях советские люди пели:

Кто Дойчланд суровый не знает,
 Кто еще в лагерях не бывал,
 Тот себя пусть счастливым считает, —
 Мало горя он в жизни видал.

.
 Колодки ноги нам сдавили,
 Ost'ы¹ на грудь нам налегли.

¹ Нагрудный знак, который обязаны были носить рабочие и работницы, угнанные из СССР в Германию и оккупированные немцами страны Западной Европы.

Решетка, ключ и полицаи
Свободу нашу отняли.

Потрясающими человеческими документами являются песни Освенциме, Тремблинки, Майданека и многих других немецких лагерей смерти. Резкий натурализм образов этих песен обусловлен непосредственностью выраженных в них чувств и имеет функцию, необычную для песенного фольклора. Это песни-письма, песни-дневники, песни-исповеди.

В одной из самых популярных песен немецкой неволи «Раскинулись рельсы широко» есть строки:

Напрасно ты, маменька, плачешь,
Напрасно с надеждою ждёшь
И письма мои ты читаешь,
Но правды ты в них не найдешь.

Правда, о которой нельзя было писать в письмах, высказывалась в песнях. Характерна, например, освенцимовская песня:

Вот уж транспорт падходзіць к Освенциме,
І эсманы² сустракаюць здесь нас
І вядуць нас ў канцлагер праклятый,
Загражденный дротамі ад нас.
Намера нам усем выбівалі,
Нашы вочы заліты слязой.
Потым у баню усіх праваджалі
Распрашчацца із русай касой.
Трудно была узнаць здесь падругу
З агалённой яе галавой.
Сэрца крэпка ад болі сжымалось,
І кацілась сляза за слязой.
Завялі нас ў баракі сырыя,
Гдзе вшы, блохі напалі на нас,
І вайну мы ім там абвясцілі, —
На патемку іх сталі шукаць.
На атвшэньне гналі нас голых,
Па ўсей страссе цягнуўся народ.
Як шкілеты цягнулісь, шагалі
Пад управай нямецкіх гаспод.
По атвшэньню часотка напала,
А затым уж і тыфус пайшоў.
Міліоны пагібла народа,
Мала хто здесь спасенья найшоў.

Записано мною от бывшей узницы Освенциме Нины Ивасюк
Пособиловой, 1924 г. рожд., в пос. Мосты, Гродненской области.

В подобном же стиле изображается лагерная жизнь в песне, записанной мною от бывших узников концлагеря «Париж»:

Раскинулся лагерь для пленных
В лесу меж кустов еловых.
Здесь штатских людей и военных
Отряд сторожит часовых.
Большая ограда и проволока ряд,
Кругом караулят эсманы.
Нигде не пройти сквозь немецкий отряд
Ни ночью, ни засветло-рано.

² Эсесовцы.

В бараках холодно и ползают вши,
И люди опухли на нарах.
Истлели рубашки, разлезлись бинты
И тело открыто всё в ранах...

Записано от Н. И. Потанцева, 1924 г. рожд., в Минске.

Насильственно оторванные от своей родины, советские люди постоянно думали о ней и мысленно обращались к ней. Этим определилась характерная для песен немецкой неволи форма послания на родину. Приведу несколько типичных в этом отношении песен:

Далеко із германскага плена
Шлю на родзіну вам я прывет.
Как живеце, друзья і радныя,
Пахутчэй напішыце атвет.
Я живу сярод лагера смерці,
Сярод лагерных новых друзей,
Сярод голада, холада, смерці
І мучыцельных цягастных дней.
Намера нам усім выбівалі,
Штобы рускае мяса узнаць,
І папавшая першая немка
Пачынает нас палкой збіваць.
Расступіцеся, сеці густыя,
Выпускайце на волю меня,
Хачу бачыць радных і знаёмых,
Сэрца моцна баліць у меня.
Еслі толька останусь живою,
Я з праклятым Освенцімом прашчусь
І на радзіму к родненькай маме
Хоць пяшком усе раўно варачусь.

Записано мною от бывшей узницы лагеря Освенциме Н. И. Пособиловой, 1924 г. рожд.

* * *

Привязлі нас ў страну азвярэлых,
Гдзе пастрояны канцлагера.
Праізвоў для ўрага здесь аткрытый,
Штоб цяраць патрыёткі сэрца.
Очань многа здесь ёсць заключенных,
Сярод ніх наоходжуся і я,
Сколька страсці, мучэння і гора —
Рассказаць очань цяжка, друзья.
Ў тры часа нас усіх падымаюць,
Калі мірныя людзі ўсе спяць;
Палусонных, галодных і голых
На падсчет нас становяць апяць.
Колі болен, баішся прызнацца;
Патаму што лячэння нет:
Ў краматорыю возяць лячыцца,
А адтуль уж вазврата нам нет.
Мілліоны пагібла народа,
Іх навекі сажжоны сэрца.
Ані так жэ хацелі свабоды,
А каторай мечтаю і я . . .

Записано от нее же.

* * *

Раскінулісь горы шырока,
 Ё ўшчэльях баракі стаяць.
 Ё бараках угрюмых, халодных
 Работніцы з ост'а сідзяць.
 Не слышна там песен вясёлых,
 Ліш стоны, страданья людзей,
 Которых прывэзлі работаць
 Із русскіх шырокіх палей.
 Радная мая, дарагая,
 Я здесь ужэ годзік жыву.
 Работаю ў мрачнам ушчэлы
 І жадна на волю гляджу.
 Я знаю, на родзіне нашай
 Цвятуць, зелянеюць сады,
 І свеціць там яснае сонцэ,
 І громка паёць салавей.
 Ах мама, ты, родная мама,
 Я хлеба здесь вволю не ем,
 Пітаюсь адной баландою
 І силу цераю саўсем.
 Жыўём заганіцаю годзік,
 Жыўём мы жытухай плахой,
 І снова мы будзем щчаслівы,
 Калі мы вярнемся дамой.
 Ах, жыць ты мая гаревая.
 Прайдуць заганіцай гада,
 І юнасць прайдзець дарагая,
 Какой не вярнёш нікагда.
 Раскінулісь горы далёка,
 Ё ўшчэльях баракі стаяць,
 Работаем днём мы цяжола,
 А ноччу нас сільна бамбят.

Записано мною в поезде Гродно—Бологое от большой группы девушек, возвращавшихся из Силезии на родину — в Молодеченскую и Полоцкую области.

Песни, слагавшыяся в немецких лагерях смерти, были своеобразной летописью, отразившей события большого политического масштаба. По освенцимовским песням можно изучать историю. Когда в мае — июне 1944 г. в Освенциме стали прибывать из Греции, Югославия и других стран эшелоны евреев, обреченных на уничтожение в новостроенном освенцимовском крематории, узники этого лагеря сложили песню на мотив «Волга, Волга, мать родная»:

Есць за польскай граніцай
 Горад хмуры і суроў,
 Горад — лагер Освенціме,
 Гдзе не любяць вольных слоў.
 Сабраны здесь ўсе народы,
 Многа нацый і плямён
 Каратаюць сваі годы,
 Кожні немцам заклеімён.
 Як у аду здесь жыць прывозіць,
 І як будто дзіўны сон.
 К крематорыю прывозіць
 Што ні дзень, то эшалон.
 Здесь яўрэям пяюць «мэлі»:

Без разбору ўсех ў камін,
 І, як будто ў дзікай казке,
 Усім ім пяюць амінь.
 Но і рускім і палякам
 Жыць прывольную даюць:
 Суп із бруквы, хлеб із тырсы
 На дзень жратвы выдаюць.
 А на утра заключонным
 Усім кмандам — «падымайсь»,
 І галодным і халодным
 На работу атпраўляйсь.
 Тучы стынуць, вецер дует,
 Заключонных ветру жаль;
 Чорны тучы слёзы роняць
 На разодранную шаль.
 Но настане ўрэмя месці,
 І магутнаю рукой
 Разобьем мы лагер смерці
 І заплацім кроў за кроў.

Записано мною от бывшей узницы лагеря Освенциме Н. И. Посо-
 биловой, 1924 г. рожд.

Когда зимой 1944/45 года началось генеральное наступление Крас-
 ной Армии-освободительницы, самой популярной среди советских
 узников этого лагеря стала песня:

Расположены мы бліз Карпатаў,
 Гдзе звер прабегае парой,
 Гдзе пастроены сцены каміна
 І канцлагер з электрасцяной.
 Дваццаць шэсць дзеравянных баракаў,
 Кухня, бункер, рывір³ і бетрыб⁴,
 Нашы дзяўчыны ходзяць без якаў⁵,
 На дварэ март халодны стаіць.
 Яшчэ ноччу ўсіх нас ладымаюць,
 Па поўлітры гарачай воды,
 І на апель⁶ потым выгоняюць.
 На аппэле мы доўга стаім.
 Трыццаць раз айнвазеркі⁷ счытаюць,
 Трыццать раз па пяцёрках стаім,
 А затым чуем голас мы капо⁸.
 Мы работы нічуць не баімся,
 Но работатъ на ніх не хацім.
 Мы смяемся, пьем, вяселімся.
 А ў душэ слёзы гора таім.
 Вышэ головы, рускія дзевушкі,
 Будзьце першыя ўсюды, вездзе.
 Яшчэ два-тры бальшыя напоры,
 І прыляціць дарагі салавей,
 І атчыняць нам дзверы за браму,
 Снімуць плацце ў палоску з плячэй.
 Вышэ голавы, рускія дзевушкі,

² Санитарная часть.

⁴ Мастерская.

³ Род верхней одежды.

⁶ Проверка.

⁷ Надзирательницы, производившие проверку.

⁸ Лагерный надсмотрщик-эзекютор (нижний чин).

Будзьце русскія ўсюды вездзе!
Ужо асталося цярпець нам немнага.
Хутка будзем на рускай зямле.

Записано мною от бывшей узницы лагеря Освенциме Н. И. Посо-
биловой.

Эта песня стала известной почти во всех концлагерях Германии, где находились белорусские, русские и украинские девушки. В Майданеке эту песню знали в ином варианте:

Мы живём недалеко от Берлина,
Островок, окружённый водой,
Там лежит небольшая равнина,
И концлагерь стоит за стеной.

.....

Начало песни, записанной В. Ю. Крупянской от бывшей узницы концлагеря Майданек — Аксёновой (с. Клетня, Брянской области).

Сходный вариант записан от белорусских девушек М. Я. Грин-
блатом.

Величие духа непокоренного советского человека раскрывают мно-
гие песни немецкой неволи. Девушки и юноши из Белоруссии, работав-
шие у прусского помещика под Гумбиненом, пели, издеваясь над свои-
ми господами и надсмотрщиками:

Век двадцатый, век прыгожы,
Немцы все шліфуюць рожы.
Што ні Фрыц — жывот з кадушку,
Як бы з'еў зараз цялушку.
Нашым потом пажырэлі,
Штоб ані ўсе пашалелі,
Паздыхалі б ў адну ночку,
Пан і пані, сын і дочка.
Іхній фюрэр страціць рожу.
Ў гэтым мы яму паможым.

Записано мною от Ивана Прокопьевича Занозова, 1904 г. рож.,
в дер. Ваниловичи, Мостовского района, Гродненской области. Песня
эта является переделкой революционной западнобелорусской песни
начала 1930-х годов о Рыдз-Смигле.

Девушки из Белоруссии, угнанные на работу в шахты Силезии, пели
частушки:

Выйдзі, туча, выйдзі гром,
І разбі германскі дом,
Бо ў германскім тым даму
Мы бядуем у пляну.

* * *

Гэта катарга, падружкі.
Уголь немцам дабываць.
Ой прыедзь, таварыш Сталін.
Нас ат немцаў выручаць.

* * *

Надаела мне капуста,
Надаела баландэ.
Яшчэ горшэй нахвалі
Па-нямецкі «ком сьці».

Надаелі вам лапаты,
Надаелі тапары,
А яшчэ нам надаела
«Станавіся, рус, па тры».

Записано от девушек, возвратившихся из Силезии на родину в Молодеченскую и Полоцкую области. Поезд Гродно — Бологое, август 1945 г.

Повсюду в немецких «трудовых» и концентрационных лагерях и лагерях военнопленных советские люди пели:

Эту месть не забыть нам веками,
Не забыть нам пролитой крови.
Придёт время — сочтемся с врагами
И жестоко врагу отомстим.

Из песни, записанной мною от И. Салей, 1923 г. рожд., возвратившегося на родину из лагеря под городом Тихотинш (Польша).

Одной из самых вдохновенных песен, созданных в немецкой неволе, является песня-призыв к братьям красноармейцам (исполнялась на мотив «Если птице обломаны крылья»):

Што случылась з маю судзьбою,
Хто мяне маладую спасет?
Разве думала быць я рабою
У праклятых нямецкіх гаспод?
Я была маладая дзяўчонка,
І любіла мяня ўся семья.
Гдзе ты, гдзе ты, радная сторонка,
Гдзе ты, старая мама мая?
Ой вы, брацця, вы, брацця радныя,
Вызваляйце вы нас пахутчэй,
Падрыхтуйце вы пушкі стальные
На мучыцелей наших, звярэй.
Прылятайце на крыльях магутных,
Прыезджайце на танках бальных,
Налятайце вы грозная тучай
На мучыцелей подлых маіх.
Налетайце, вы іх размясіце,
Штобы воран касцей не сыскаў,
Штобы кожній нямецкій мучыцель
Лютай смерцю ад вас паміраў.
Хай свінцовым дажджом атальюцца
Слёзы те, што я лью па начам,
Хай хутчэй ваши пулі вальюцца
Прямо у сэрца маім палачам.
Штобы я маладая пазнала,
Што яшчэ не пагасла зямля,
Штобы снова я жызьнь увидала,
Увидала я зоркі Крэмя.

Записано Г. Сосновской от Валентины Я. Гончар, 1923 г. рожд. в дер. Живоглодовичи, Краснослободского района, Бобруйской области.

Гордость своей родиной — Советской Россией — звучит в песнях девушек, насильно угнанных в Германию; русские, белорусские и украинские девушки одинаково чувствовали себя дочерьми России — «русскими девушками».

Мой дом згарэў і быў разбіт снарадам,
 Радным маім ніхто не мог памоч,
 Но я гарджусь, хаджу ўсягда я рада,
 Што я ёсць русская, што — я Расіі ідоч.

Эту песню пели в немецких лагерях единым хором русских, белорусских и украинских голосов, и она была одной из самых популярных песен советских девушек-полонянок.

Тот же бодрый патриотический мотив звучит в другой популярной песне немецкой неволи:

Весело вьются у девушки кудри,
 Бодро проходит она через мост,
 Нет теперь на лице ее пудры,
 А на груди у девушки «ost».

.....

Помни о родине, русская девушка,
 Голос ее и могуч и горяч.
 «Ost» на груди твоей память страны твоей,
 Всюду гордись им, носи и не прячь.

Девушки, вернувшиеся из немецкого плена в родную вёску Зенцивичи, Любчанского района, Барановичской области, еще и теперь поют песню, сложенную на чужбине:

О краіна-маці,
 О краіна-шчасце,
 Родная матулька
 Незабытых дзён.
 Я ў чужой краіне
 Не найду прытулку,
 Не прывыкну сэрцам
 Да чужых старон.

Песни девушек, заключенных в немецкие лагеря, в значительной мере основаны на традициях старинной народной песни. Один из самых трогательных образов русской народной лирики — образ матери — вошел яркое выражение в песнях немецкого плена. Характерным переосмыслением старинной песни о разлуке с матерью является, например, текст, записанный мною от Марии Мурашовой, 1926 г. рожд., в дер. Нова-Шеравщина, Бобруйского района.

Сіне морэ ўзбушавалось,
 І не відна у морэ дна.
 Я ат маменькі далёка,
 Не відала года два.
 К немцам ў лагер я папала.
 І заўяла как трава,
 І заўяла, і засохла,
 І расцвесць уж не магла.
 Выйдзі, мама, уграм рана,
 Устань, паслушай на зарэ.
 Как я слёзы пралізаю
 Ў чужой дальней старане.

В вёске Плиски, Зенцицкого сельсовета, Любчанского района, Барановичской области, все школьники знают эту песню в таком варианте:

Сіне морэ галубое,
 І не відна у морэ дна.
 У лагер к немцам я папала
 І у няволе года два.
 Ёстань жэ, мама, утрам рана,
 Ёстань, послушай на зарэ,
 Как я слёзы праліваю
 Ё чужой далёкай старане.

Стиль этого варианта сближается отчасти со стилем частушек.

Более сложное сочетание традиционного и современного представляет песня, записанная мною от Ольги Ф. Ореховой, 1926 г. рожд., и других девушек дер. Старчицы, Краснослободского района, Бобруйской области:

Не тутукай ты, машына,
 Мае сэрца не трывож,
 Завязеш мене у Германью
 І назад не привезеш.
 Заўтра рана на рассвеце
 Ты пачнёш мене будзіць.
 Падайздэш к маеі пасцелькі,
 Яна халодная стаіць.
 Заўтра рана, мама, выйдзі
 І паслухай на зарэ,
 Не твая лі дочка плачэт
 Ё чужой дальней старане.

Нередко старые семейные песни и частушки о разлуке с матерью, не подвергаясь каким-либо изменениям, получали новую функцию песен из немецкой неволи. Так, например, в деревне Будча, Ганцевичского района, Пинской области, я записал старинную песню, которая по уверениям исполнительниц этой песни Нины Л. Савени (18 лет) и Ганны А. Сергиени (17 лет), была сложена в немецком плену девушками из Пинщины:

Ты каліна, ты маліна,
 Ты на воды схілілась,
 Што я от роду адбілась,
 Што от роду, от радзімы.
 Цяжка жыць мне на чужбіне.

Как современные, воспринимались девушками, угнанными со своей родины, старые частушки:

На чужой старонушке
 Солнышко не грэе, —
 Нету маменькі радной,
 Ніхто не пажалее.
 На чужой старонушке
 Заклююць варобушкі,
 Заклююць і галочки
 Без радзімай мамачкі.

Записано в дер. Замогиле, Краснослободского района Бобруйской области.

Новый смысл и значение получали в условиях немецкой каторги также старые тюремные песни. Неслучайно такие песни особенно часто встречаются в репертуаре белорусских девушек, возвратившихся из Германии. Многие песни немецкой неволи являются своеобразными переделками сибирской песни «Из глухого Колымского края». Одну из

таких своеобразных переделок — «Далеко из германского плена» — я привел выше. Рядом с этой песней, по количеству современных переделок ее, стоит известная городская песня «Здравствуй, мать, прими письмо от сына». В большинстве современных вариантов этой песни есть такие строки:

Здравствуй, маць, прымі письмо ат дочкі,
Шлю прывет табе издалека,
Я жыву, а жызннь мая разбіта,
Адзінока, нішча і гарька.
Завязлі ў страну зусім чужую,
З адзінокай буйнай галавой,
І разбілі жызнню маладую,
Разлучылі, маменька, з табой.

Записано от Нины Хват, 1930 г. рожд., в дер. Куриловичи, Мостовского района, Гродненской области.

На канье старой тюремной песни создана популярная среди советских девушек, которые были угнаны в Германию, песня «Весна в неволе»:

Свеча гарыць унылым светам,
На нарах ўсе спакойно спяць,
Кругом барака часовыя
З вінтоўкай ходзяць, старажаць.
Адна малодзенька дзяўчонка
Скланіла голаву на грудзь,
Пра дом радной ана мечтае
І не магла нікак уснуць.
Ах мама, маменька радная,
Зачым на свет ты радзіла,
Судзьбой няшчаснай наградзіла,
Ў страну фашызма аддала?
Ў стране нямецкой нас презіраюць,
Ни шаг праходу не даюць,
За праўду у цюрьмы нас сажаюць
І ўсех нас швайнамі завуць...

Записано мною от Раисы Михайловны Гринберг, 1920 г. рожд., возвратившейся из «трудового» немецкого лагеря под городок Демкам на родину в Гродно.

Известная сибирская песня «Глухой, неведомой дорогой» получила в фольклоре Отечественной войны такое переосмысление:

Глухой неведомой дорогой,
Германской дальней стороной
Увозят девушек советских,
Увозят в край совсем чужой.
Пред нами дальняя дорога,
Пред нами каторга лежит.
Укрой, лесочек, на часочек.
Пока подружка убежит.
А там, в глуби родной России
Осталась мать, остался брат,
Остались сестры дорогие,
И сердцу хочется взыти.

В Белоруссии этот своеобразный вариант песни «Глухой, неведомой дорогой» получил самое широкое распространение.

Песни временной неволи стали в настоящее время историческими песнями. В них запечатлены кровь и страдания миллионов советских людей, погибавших в немецких «трудовых» и концентрационных лагерях — лагерях смерти. Теперь на освобожденной советской земле девушки, добывавшие в фашистской неволе, поют другие песни и частушки:

Пой, падруга, пой, падруга,
Вяселі кумпанію.
Нас цяпер з табой, падруга,
Не вазьмуць ў Германію!
